

В конце уходящего года так или иначе подводись итоги. И в декабре мне задавали вопрос: что стало главным впечатлением 2016 года? Понятно, что рождение дочери – это всегда на первом месте, но что ещё? Могу ответить – поездка в Хатынь, Беларусь. Место, святыню, где должен побывать каждый русский человек. Чтобы помнить. Чтобы чтить. Чтобы жить.

Хатынь для меня – второй Сталинград. А я был в Сталинграде в 2015 году. Помню, как стоял у подножия Мамаева кургана. Как купил у лысоватого мужчины десяток кроваво-красных гвоздик. Да, знаю, “кроваво-красные” – жуткий штамп, но в случае Сталинграда он более чем уместен. Здесь родились мои предки. Здесь воевал мой дед. Не просто воевал – выжил.

И когда я поднялся по ступеням, вышел на Площадь Героев, когда стоял на самой вершине, нечто высшее, непокорённое вошло в меня. Да, понимаю, эти строки могут выглядеть странными, но, написав их, я вновь испытываю то сильнейшее чувство. Оно сначала пронзает, а после наполняет всего меня. Отнимает старую жизнь и даёт новую. Оно есть перерождение.

Я стоял на Мамаевом кургане и не мог унять слёз, не мог собрать себя воедино, чувствуя то, что случилось там 72 года назад. В Хатыни это высшее, непокорённое вновь вернулось ко мне. Коснулось, пронзило.

Я добирался в Хатынь своим ходом. Сначала на рейсовом автобусе “Минск–Витебск”, а после – пешком. Шёл по извилистой асфальтированной дороге, и указатели отсчитывали мой путь: каждый километр – всего пять. Я шёл меж деревьев. Зелень, повсюду была зелень, она окутывала меня. Я растворился на этом пути в Хатынь.

Мимо проезжали редкие машины, едва ли не каждая притормаживала. Добрые люди предлагали меня подвезти. Я отказывался. Мне казалось, что этот путь я должен преодолеть сам, пешком. Меж деревьев. Мне вспомнилась песня Вакарчука: “Сльози, колишуться за вікном сосни, // навколо моя стіна...” Это было так сильно и так странно: мне, русскому человеку, стоять на белорусской земле и вспоминать украинскую песню.

Я остановился и взглянул на чащобу. Зашёл в неё. Там было так чисто, так светло. И в воздухе, и на земле. Ни одной бумажки, ни одного окурка, ни одного плевка – ничто не нарушало эту чистоту. В ней, с ней я и дошёл до Хатыни.

На парковочной площадке стояли автобусы – экскурсионные группы; в основном, школьники. Они выходили такие бойкие и шумные, а потом умолкали, растворялись в святой тишине. С ними были экскурсоводы, и я решил держаться их. Но почти сразу же отказался от этой идеи. Решил просто идти.

Но, ступив на землю мемориального комплекса, уже не мог пошевелить-ся. Шаги не давались мне. Я растворился в вязкости тишины. Перестал существовать в силе мгновения. Я вновь слышал голоса того, что произошло здесь. И сквозь них, хоть я того не желал, доносился голос экскурсовода, и каждые полминуты звонили колокола на обелисках. Под ними значились имена погибших. Самому младшему было семь недель.

Вы знаете, что произошло в Хатыни. Должны знать. А если знаете – прикоснитесь к этой земле, поклонитесь ей, возьмите с собой. Когда я был школьником, дед подарил мне землю из Сталинграда – с осколками и пулями. Она была в пластиковом куполе, а на куполе возвышалась Родина-мать. Её миниатюрную я впервые увидел ещё подростком, но во всю величину, всё её величие и монументальность – уже взрослым.

И я не из тех, кто жалеет, что где-то не был, но тогда, в сентябре 2015 года, я корил себя, что не приехал в Сталинград раньше. На Мамаевом кургане я решил ехать в Хатынь. Русское сердце ещё ярче разгорелось во мне. Чтобы летом 2016 года привезти к земле сталинградской землю Хатыни.

Наконец, я смог ступить по ней. Идти мимо символических колодцев. Ощущать боль, волю погибших.

Передо мной возвышался непокорённый человек – тот, кто выжил. Кузнец Иосиф Каминский держал на руках своего умирающего сына Адама. В час трагедий я вспоминаю эту скульптуру, а вместе с тем подвиг миллионов непокорённых людей.

А вокруг – такая природа! Божественная. Собственно, если верить древним, природа и есть одно из проявлений Бога. Он наблюдал за тем, как люди искупают страданиями чужие грехи. Не ради себя – ради всех нас. Чтобы мы не потеряли своих детей. Ни физически, ни ментально.

Беларусь чудовищно пострадала от нацистского беснования. Оно унесло каждого четвёртого жителя этой многострадальной земли. Об этом в Хатыни напоминают три берёзы, а место для четвёртой пустует. Так может ли покориться Беларусь новой нацистской чуме?

Допускаю, что есть и те, кто не знает ничего о Хатыни. Или знает совсем немного. Допускаю, что есть русские люди, стремящиеся не в Хатынь, а в какую-нибудь Турцию или Египет. Ну что ж, это победа тех, кто сжигал людей Хатыни. Потому что, уничтожив память новых поколений, они продолжили своё чёрное дело – зло перешло из одной формы в иную и одержало верх в душах и сердцах, ни родства, ни святых не помнящих.

Бесы сожгли людей Хатыни весной 1943 года. Эти же бесы сегодня выжи-гают нашу историческую память, культуру. И у многих из нас нет ни той воли, ни того мужества, которые были у людей Хатыни, дабы противостоять злу. Мы сосредоточились на мелких вещах. И даже большие события, большие трагедии всё меньше трогают нас. Мы очерствели, покрылись эгоистической слизью и готовы продать то, что давно уже и без нас продано.

Я возвращался к трассе той же извилистой дорогой. Остановилась машина. Я уже мог сесть в неё. В машине ехали парень и девушка. Они приехали в Беларусь из Стаханова. Мы были вместе совсем немного, так, перекинулись парой фраз. Мы только что видели Хатынь. И мы хорошо помнили о том, что случилось в стране, в которой мы когда-то жили: я – в Севастополе и Киеве, они – на Донбассе. У нас была связь – незримая, но нерушимая.

Потом в Беларуси у меня было ещё много встреч. Разной теплоты и глубины. Но Хатынь стала первой точкой притяжения в моём белорусском маршруте. Собственно, ради неё я и ехал.

Хотя официальная причина была иной – фестиваль словесности в древнейшем Полоцке. Здесь Франциск Скорина первым в Восточной Европе начал книгопечатание. Я говорил об этом, выступая на центральной городской площади, в музее того же Скорины и в библиотеке. Говорил и вспоминал Кирилла и Мефодия, принеших русское слово в русский мир из моего родного Севастополя, из Корсуни. Такова связь времён, линия смыслов.

Но один профессор – он вёл круглый стол в музее, – услышав словосочетание “русский мир”, возбудился, стал объясняться, кричать. Согласен, с русским миром сегодня, как, впрочем, и всегда, не так чтобы просто; и становится ещё сложнее от того, что к нему примазываются мерзавцы и дураки. Однако в истоке своём каждый русский человек знает, что это такое.

Ведь в основе – слово, честь, справедливость, память, совесть. И, конечно, в основе – подвиг (слово, которое вы в должной мере не переведёте ни на один язык мира). Подвиг, обогранный кровью Хатыни и Сталинграда, Севастополя и Одессы, Брестской крепости и Ленинграда. И в этом подвиге – слово Василя Быкова и Фёдора Достоевского, Николая Гоголя и Андрея Платонова. Это слово помогает нам петь там, где умирать должно, помогает выстоять там, где орды – со всех сторон.

Но седовласый вздорный профессор, до мысли о клонах похожий на персонажа из кинофильма “Назад в будущее”, делал вид, что не понимает. Хотя на самом деле прекрасно всё понимал. И говорил о белорусском пути в Европу. Но позвольте, сказал я, Полоцк и есть географический центр Европы; какой Европы вам ещё хочется? И в этом центре мы говорим на русском, на украинском, на белорусском языках. Говорим – и понимаем друг друга; люди из Минска и Севастополя, Киева и Парижа, Москвы и Витебска, Хельсинки и Дебальцево, Херсона и Праги, десятка других городов. Какого понимания вы ещё хотите, люди, объединённые словом и памятью?

Тогда я снова вспомнил Хатынь. Сказал о том, что видел, чувствовал, слышал. И люди на площади и в музее сразу всё поняли. Даже седовласый вздорный профессор.

Ещё был мужик. Он подобрал меня на трассе – стахановские ехали в Витебск, а мне надо было в Минск – и повёз в столицу. Он жаловался на жизнь. Я сказал: “Вы едете на хорошей “Ауди”, и у вас айфон”. “Разве это показатель?” – удивился он. “У вас есть нормальная работа”, – я слышал, о чём он говорил по телефону. Он заспорил вновь. Но я знал, как срезать его. “Тогда вам на Майдан, как в Киеве, чтобы жить лучше...” И он замолчал.

В Беларуси украинский пример – перед глазами. Белорусы всё понимают, как мир ни расшатывай. Они мудрые, наученные горем люди.

А ещё они очень занятые люди. Знаете, что меня поразило в Минске? Там постоянно что-то делается: то брусчатку кладут, то деревья сажают, то траву поливают. И город – как из конструктора: чистенький, правильный. Настоящий европейский город с русской душой.

По Минск меня возил Владимир. Я встретил его возле гостиницы “Спутник”. И снова убедился – свой всегда выбирает своих. Там было много такси, но я подошёл, спросил – и оказался с Владимиром. Он повёз меня в Троицкое предместье, в Лошицкий парк. Он сказал: “Меня все знают. Я единственный таксист в Беларуси на российской машине”. У него на “торпедо” было три флажка – российский, украинский и белорусский. А ещё – наклейка “Велю-На”, что значит “Вера, Любовь, Надежда”.

Владимир прошёл Афган и говорил мне о той войне, о той жизни. А я рассказывал ему об Украине. И о Хатыни, и о Сталинграде. Сказал, что там воевал мой дед, и Владимир проникся ещё сильнее. Со слезами он просил передать деду низкий поклон. Говорил искренне, горячо. И мы понимали друг друга, и становились родными в Минске, пахнущем свежескошенной травой.

Потом я сел в поезд. Вечером – в Полоцк, а утром – в Москве. Без задержек и бюрократии. “Между нами нет границ”, – сказала мне кудрявая проводница, возможно, подразумевая и метафизическую сторону вопроса. И я подумал, что так и должно быть между братскими странами. Так бы нам захотелось с Украиной.

Хотя, сев в поезд, отложив книгу, я думал о настроениях в Беларуси. Порой я встречал там то, что видел за два года до революции в Украине. Но потом я достал магнитик: на нём был кузнец, державший на руках сына. И я вспомнил Хатынь, всех её непокорённых людей – и меня пронзило, как разрядом.

Ведь пока есть такие места и такое отношение к ним – бес останется за воротами града. Сказано во всех религиях: зло приходит лишь к тем, кто разрешает ему прийти. Бес не властен над человеком без его воли. Человек способен изгнать его отовсюду словом и памятью. Какое счастье, что это есть в Беларуси! В братской нам Беларуси, у которой есть своё, у которой нельзя отнять своё – оно их, оно родное, и это правильно, – но и наше, исконно русское, едино русское, выбить, выкорчевать оттуда ни в коем разе нельзя. Никогда и ни за что! Так не будет. Пока есть Хатынь и наша память о ней.